

ИДЕЯ СВОБОДЫ В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Нижеследующие статьи возникли из выступлений и дискуссий на теоретическом семинаре, проходившем в декабре 2016 г. в рамках исследовательского проекта «Дискурсы свободы в русской интеллектуальной истории» в Институте русской культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского университета Бохума (Германия). Проект, реализуемый под руководством Н.С. Плотникова и при поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG), ставит задачей исследовать семантическую эволюцию понятия свободы в русской интеллектуальной истории как ключевого понятия публичной сферы в XIX и XX вв. и выявить основные тенденции этой эволюции на материале анализа «идейных сборников» как узловых пунктов публичной интеллектуальной дискуссии в российском обществе периода модерна.

Участники и гости семинара представили и проанализировали из различных дисциплинарных перспектив – философской, богословской, филологической – характерные примеры того, как конструируется семантика свободы в различные эпохи и в различных дискурсах публичной сферы. В фокусе их анализа оказываются те притязания на «самобытность» (религиозные, историософские, литературные), которые используются в истории русской мысли и в современной России как для защиты, так и для отрицания значимости понятия свободы в политическом сознании.

Н.С. Плотников

Понятия свободы: универсализм и культурная партикулярность

Плотников Николай Сергеевич – доктор философии, приват-доцент Рурского университета (Бохум, Германия), научный сотрудник. Институт русской культуры им. Ю.М. Лотмана, исполнительный директор «Восточноевропейской коллегии земли Северный Рейн-Вестфалия». Lotman-Institut für russische Kultur, Ruhr-Universität Bochum, 44780 Bochum, Deutschland; e-mail: nikolaj.plotnikov@rub.de

В тексте обозначаются контуры проблемы исторической экспликации понятия «свобода». С одной стороны, исторический анализ имеет своим следствием плюрализм семантик и контекстуализаций понятия свободы, реакцией на который является утверждение свободы как антропологической константы или универсальной нормы. С дру-

гой стороны, тезис о нормативной универсальности понятия свободы остается лишь постулатом, если он не опирается на исторически сложившийся (и институционально закреплённый) общественный консенсус относительно центральной ценности свободы. Анализ форм этого консенсуса обозначается как «герменевтика свободы», задача которой показать формирование смысловых дифференциаций в понятиях свободы в разных культурных контекстах, но также и наметить узловые точки публичной дискуссии, в которых происходит кристаллизация консенсуса относительно ключевых аспектов понятия свободы.

Ключевые слова: свобода, история понятий, универсальная норма, герменевтика, исторический консенсус, различные традиции понимания свободы

«Понятие свободы как ценности и цели является... антропологически неустрашимым»¹, – таким утверждением завершает немецкий историк Вернер Конце свою статью «Свобода» в знаменитом «Словаре основных исторических понятий» под ред. Р. Козеллека, О. Бруннера и его самого, изображающую панораму исторических трансформаций, идеологических манипуляций, политических противоборств и борьбу философских мнений по поводу понятия свободы. Тем самым история понятия от античности до современности упирается в собственный предел – в границу, за которой история устраняется антропологией. Утверждая в финале историко-семантического исследования понятие свободы в качестве антропологической константы, автор, казалось бы, сам ставит под вопрос главный принцип всего методологического подхода *Begriffsgeschichte*, который в пику прежней истории идей состоит в демонстрации того, что ключевые понятия не имеют априорного надысторического статуса, а являются «индикаторами» и «факторами» культурного опыта, который они организуют, будучи сами его продуктами. Вместе с тем в этом утверждении обозначается и проблема границ историко-понятийной вариативности – в какой мере мы вправе говорить об истории *одного* понятия как едином процессе и есть ли какие-то иные способы конституировать единство этого процесса помимо его отнесения к одному словарному слову.

Гегель, отвечая на романтический культ исторической индивидуальности, еще мог решать эту проблему с помощью диалектики общего и единичного, в силу которой конкретные исторические эпохи выступали как спецификации универсального понятия, развивающегося в истории. «Всемирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы»², – так звучала итоговая формула этой диалектики идеи свободы как взаимосвязи всеобщего понятия и его индивидуальных исторических гештальтов. Но уже для Ницше, отказавшегося от универсальной метафизической рамки, мнения о свободе представляются настолько индивидуальными и разнородными, что о ней «нельзя установить общезначимого понятия»³. Превращение свободы в «антропологически неустрашимое понятие», уже концептуально опробованное в философских антропологиях начала XX в. (М. Шелера и Г. Плеснера), оказывается поздней реакцией на этот вызов радикального историзма, артикулированного Ницше и В. Дильтеем.

¹ “Anthropologisch nicht eliminierbar” (Conze W. Freiheit // Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 2. Stuttgart, 1975. S. 542).

² Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 8. М., 1935. С. 422.

³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 391.

В современную эпоху тезис об антропологической фундированности понятия свободы уступает место нормативному универсализму, представляющему свободу (как в концепции Ролза и Хабермаса) как контрфактический горизонт идеального консенсуса всех разумных индивидов, признающих право каждого на свободу. Политико-юридическим воплощением такого нормативного универсализма является «Всеобщая декларация прав человека» 1948 г., в которой сущностная принадлежность человеку свободы («все люди рождаются свободными») формулируется уже не как антропологическая данность, а как нормативное обязательство признавать любого человека свободным. Но как раз такое превращение свободы в сугубо нормативный принцип, который признается главной ценностью современных обществ, индуцирует новый виток полемики об основаниях нормативной значимости этого принципа. Различные авторитарные, традиционалистские и консервативные идеологии, оспаривающие центральное положение ценности свободы, делают именно эту нормативность объектом критики, объявляя ее сугубо «декларативной». Вся советская идеология была построена на критике и отрицании «так называемой свободы» западного мира как иллюзии и пустой декларации. И нынешние авторитарные режимы, легитимирующие себя посредством критики «Запада», воспроизводят эту критику с лишь незначительными вариациями.

Но и помимо этой идеологической и политической критики нормативного принципа свободы вопрос о том, на каких основаниях он объявляется универсальной нормой, становится предметом обширных дискуссий также и среди его сторонников. Оппонентами нормативного универсализма выступают здесь приверженцы различных форм культурного партикуляризма, среди которых наиболее влиятельными являются при всех их различиях представители коммуитаризма (Ч. Тейлор, М. Сэндел) и неопрагматизма (Р. Рорти). Смысл их аргументации состоит в том, что декларирование свободы в качестве универсальной нормы опирается в свою очередь не на некую более фундаментальную норму или рациональное обоснование (наподобие естественного права или «идеального дискурсивного сообщества»), а на исторически сложившийся фактический консенсус современных либерально-демократических обществ, признающих свободу индивида высшей ценностью. Иными словами, всякая попытка рационального обоснования первичности принципа свободы явным или неявным образом задействует культурные предпосылки и очевидности, сформировавшиеся в политической культуре западных обществ в ходе ее исторического развития. Рорти специально подчеркивает исторически контингентный характер такого консенсуса относительно приоритета прав человека, свободы, равноправия и солидарности, что, по его мнению, однако, не препятствует «либеральной утопии», выражающей надежду на глобальное расширение этого консенсуса.

При таком переносе центра тяжести аргументации в пользу привилегированного статуса свободы с идеального консенсуса на реальный в фокус внимания попадает вопрос о культурных конструкциях понятия свободы в политической и интеллектуальной истории Запада и о содержании исторических процессов, в ходе которых формируется политическая идентичность современных обществ⁴. Рефлексию по поводу круга этих вопросов можно определить как

⁴ Характерным примером такого исследования может служить работа: Taylor Ch. The Sources of Self. The Making of the Modern Identity. Harvard, 1989.

герменевтику свободы, которая делает предметом интерпретации дискурсы и нарративы свободы, конституирующие историческое сознание принадлежности современного индивида к политической традиции Запада, а также различные семантики свободы, в которых это сознание находит свое оформление. Из перспективы этой герменевтики свободы типологические различия понятий свободы, с которыми работает теоретический анализ (такие, как «внутренняя и внешняя свобода», «позитивная и негативная свобода» и т. п.), предстают как исторически сложившиеся формы рефлексии опыта свободы в различные эпохи развития европейского политического сознания. Уже одна из первых влиятельных типологий, данная Б. Констаном в его известной речи «О свободе у древних в сравнении со свободой современных людей» (1819), показывает, что семантика понятий свободы имеет специфический характер для разных эпох и в силу этого понятие политической свободы античности не может быть без изменений и коррективов перенесено в другие эпохи, поскольку оно требует согласования с понятием индивидуальной свободы современной эпохи. Также и то различие семантик свободы – позитивной и негативной, – которое стало известным благодаря эссе И. Берлина «**Два понятия свободы**», заставляет вспомнить о древней и новой свободе как понятиях специфических эпох, о которых говорил Б. Констан⁵. В рамках герменевтики свободы диалектика универсального и партикулярного переформулируется, таким образом, в виде соотношения всемирно-исторического и эпохально-специфического.

В контексте рефлексии по поводу генезиса политической идентичности современных обществ герменевтика свободы делает видимыми также и культурные различия политических традиций, которые, возможно, даже в еще большей степени, чем исторические различия семантик свободы, трансформируют горизонт универсалистского понимания свободы. Они же служат опорой аргументации в критике «европоцентризма» и в полемике с «западными ценностями» и «западными представлениями о правах человека», которые якобы навязываются иным культурным ареалам. Однако последовательный анализ культурных различий показывает, что уже сама традиция «западного понимания свободы» оказывается внутри себя далеко не однородной, а включающей целый конгломерат различных традиций, течений и направлений интерпретации, возникших в результате культурных, идеологических и политических противостояний.

Уже в контексте британской консервативной критики Французской революции (Э. Берк) было артикулировано представление об «английской свободе», основанной на традиции и вековой защите прав человека политическими институтами. Эту «нашу свободу» Берк противопоставлял рационалистической конструкции свободы, которая восторжествовала во Французской революции и представляет собой лишь более или менее отчетливую форму тирании. В период наполеоновских войн идеологическую остроту приобретает идея «немецкой свободы», которую Фихте в «Речах к немецкой нации» не просто противопоставляет французской, но акцентирует в качестве «подлинной свободы» как органического единства народа в противоположность его механическому

⁵ Ср. также типологию моделей свободы – «индивидуальной» и «коммунальной», которую предлагает Альбрехт Веллмер (Модели свободы в современном мире // Социологос. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М., 1991. С. 11–38).

агрегату⁶. В совсем иной идейной и политической констелляции периода Первой мировой войны немецкие интеллектуалы (Э. Трельч, А. Гарнак, Ф. Майнеке) заново артикулируют эту идею «немецкой свободы», чтобы противопоставить ее английской и французской в качестве самостоятельной традиции. Эта традиция хотя и связана с запоздалым развитием демократических институтов, но имеет свой центр тяжести – в духовном образовании индивида, сочетающимся с самоотдачей отдельного индивида государственному целому⁷.

Напротив, в современных культурологических исследованиях различных семантик свободы указание на образы «английской, французской и немецкой свободы» используется скорее для того, чтобы подчеркнуть интерференции этих традиций, переплетения семантик и общности их отдельных аспектов при существенном различии тех политических моделей и образов «свободного человека», которые лежат в их основе (политолог и культуролог Филип д'Ирибарн различает три образа: свободы собственника в английской традиции, свободы члена товарищеского сообщества в немецкой и свободы «благородного человека» – во французской)⁸. Общий горизонт понятия свободы складывается, таким образом, из процессов взаимодействия, взаимовлияния, трансфера, взаимного притяжения и отталкивания различных семантических моделей свободы, сформировавшихся в русле разных культурных традиций и традиций политического участия. Тем самым герменевтика свободы, выявляющая уже внутри различных традиций процессы преодоления культурных границ, культурного взаимодействия и трансфера, демонстрирует, что стремление к универсализации базовых ценностей, и в первую очередь свободы, оказывается не утопическим нормативным требованием, но внутренней тенденцией политического и культурного развития в направлении общего нормативного консенсуса.

В связи с анализом различий дискурсов и нарративов законным является вопрос о том, как в рамках герменевтики свободы может быть определено место дискурса свободы в русской интеллектуальной истории и может ли он претендовать на самостоятельность и семантическую специфику. С одной стороны, довольно распространенными являются сомнения в том, что в России вообще отсутствует нарратив свободы. Для внешнего аналитического взгляда, выраженного уже в середине XIX в. А. де Токвилем, представление о России описывалось через противоположность Америке как противоположность двух принципов – рабства и свободы⁹. И этого взгляда, тщетно выискивающего

⁶ См.: Schmidt H.J. Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a/M., 2010.

⁷ Трельч Э. Немецкая идея свободы // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Под ред. М.А. Абрамова. М., 2000. С. 183–200.

⁸ d'Iribarne P. Trois figures de la liberté // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2003/05. 58e année. P. 953–978. А. Хоннет в своем труде «Право свободы» (Das Recht der Freiheit. Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Frankfurt a/M., 2011) разрабатывает интегральную концепцию свободы, которая связывает указанные образы в систематическое единство. Хоннет, правда, рассматривает эти образы не как специфичные для различных культурных традиций, но скорее как специфичные для различных сфер социального. Прообразом этого интегрального понятия является структура объективного духа в «Философии права» Гегеля – свобода собственности в системе абстрактного права, свобода внутреннего убеждения в сфере морали и «социальная свобода» в солидарном политическом сообществе.

⁹ Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. T. 2. Bruxelles, 1835. P. 435–436.

отчетливые артикуляции свободы в России, придерживается еще и в современную эпоху немалое число аналитиков русской истории¹⁰. Но также и аналитический взгляд изнутри русской интеллектуальной традиции, отчетливо выраженный в тезисе Г.П. Федотова о том, что «слово “свобода” до сих пор кажется переводом французского “liberté”»¹¹, не находит в ней самостоятельных концептуализаций свободы. Можно вспомнить в этой связи, что и само словосочетание «русская свобода» встречается в России, пожалуй, лишь в названии выходявшего несколько месяцев с весны по осень 1917 г. еженедельника «Русская свобода» под редакцией П.Б. Струве и при ближайшем участии авторов сборника «Вехи» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.) и ряда представителей кадетской партии. С другой стороны, среди философов и лингвистов давно уже существует склонность толковать семантику слова «воля» в смысле «безграничного простора» как специфическое для русского языкового и культурного сознания выражение опыта свободы. Уже в упомянутой статье Г.П. Федотова, повторяющего довольно распространенные в русской эмиграции спекуляции об «анархической природе русской души», западному понятию «свободы» противопоставляется русское понятие «воли» и тем самым формулируются, хотя и критически, основания для утверждения о наличии самостоятельного дискурса свободы в русской истории.

Здесь возникают вопросы о том, насколько правомерны такие утверждения, опираются ли они на достаточные эмпирически фиксируемые свидетельства интеллектуальной истории и истории языка, конституируют ли они самостоятельную линию истории понятия свободы и как они соотносятся с уже наличным составом семантического поля понятия свободы, включающего в себя различия позитивной и негативной свободы внутренней и внешней, абстрактной и конкретной и т. п. Ответы на эти вопросы, до сих пор лишь частично сформулированные в ходе прежних историко-семантических исследований понятия и слова «свобода» в России и родственных ему понятий («либерализм», «вольность» и др.), и составят содержание той герменевтики свободы, которая может очертить контуры дискурсов свободы в русской интеллектуальной истории и показать те точки в ней, где формируется или только начинает формироваться политический и интеллектуальный консенсус относительно семантики свободы. Подступы к этой теме представлены в статьях публикуемого блока.

Список литературы

Веллмер А. Модели свободы в современном мире // Социологос. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 11–38.

Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 8. М.: ОГИЗ, 1935. 470 с.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. / Пер. с нем. С.Л. Франка. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 231–490.

¹⁰ Wittram R. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte: Gedanken zu einigen Fragestellungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1954. Bd. 2. S. 369–386; Geyer D. Die Idee der Freiheit in der osteuropäischen Geschichte // Leviathan. 1990. No. 18. S. 327–338.

¹¹ Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журн. 1945. № 10. С. 189–213.

Трельч Э. Немецкая идея свободы // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Под ред. М.А. Абрамова. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 183–200.

Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журн. 1945. № 10. С. 189–213.

Conze W. Freiheit // *Geschichtliche Grundbegriffe* / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 2. Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. S. 425–542.

d'Iribarne P. Trois figures de la liberté // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2003/05. 58e année. P. 953–978.

Geyer D. Die Idee der Freiheit in der osteuropäischen Geschichte // *Leviathan*. 1990. No. 18. S. 327–338.

Honneth A. Das Recht der Freiheit. Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 2011. 628 S.

Schmidt H.J. Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a/M.: Humanities Online, 2010. 506 S.

Taylor Ch. The Sources of Self. The Making of the Modern Identity. Harvard: Harvard University Press, 1989. 624 p.

Tocqueville A. de. De la Démocratie en Amérique. T. 1–2. Bruxelles: Louis Hauman et Comp., 1835.

Wittram R. Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte: Gedanken zu einigen Fragestellungen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1954. Bd. 2. S. 369–386.

Notions of Liberty: Universalism and Cultural Particularity

Nikolaj Plotnikov

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Lotman-Institute of Russian Culture, Ruhr-University Bochum, Direktor of “Osteuropa-Kolleg NRW”; Lotman-Institute of Russian Culture, Ruhr-University Bochum, 44780 Bochum, Germany; e-mail: nikolaj.plotnikov@rub.de

The author outlines the problem of historical explications of the notion of liberty. On one hand, the historical analysis leads to semantic pluralism and pluralism of contextualization of the notion of liberty. Liberty as the universal norm and anthropological constant is the reaction to these pluralisms. On the other hand, the thesis on the normative universalism of liberty remains a postulate, if it does not rely on a social consensus on the central value of liberty. The analysis of these forms of consensus is described as a “hermeneutics of liberty”. Its task is to show the formation of the conceptual differences in the notion of liberty in the different cultural contexts. Another task is to show the intersection in the public discussion, where the consensus on the main aspects of liberty emerges.

Keywords: Liberty, the universal norm, hermeneutics, the historical consensus, the different traditions of the understanding of liberty

References

Conze, W. “Freiheit”, in: *Geschichtliche Grundbegriffe*, hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck, Bd. 2. Stuttgart: Klett-Cotta, 1975. S. 425–542.

d'Iribarne, P. “Trois figures de la liberté”, *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 2003/05, 58e année, pp. 953–978.

Fedotov, G. P. “Rossija i svoboda” [Russia and Freedom], *Novyj zhurnal*, 1945, No. 10, pp. 189–213. (In Russian)

Geyer, D. "Die Idee der Freiheit in der osteuropäischen Geschichte", *Leviathan*, 1990, No. 18, S. 327–338.

Hegel, G. W. F. *Sochinenija*, 14 t. [Works, 14 vols.], vol. 8. Moscow: OGIZ Publ., 1935. 470 pp. (In Russian)

Honneth, A. *Das Recht der Freiheit. Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011. 628 S.

Nietzsche, F. "Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe" [Human, all too human], in: F. Nietzsche, *Sochinenija*, 2 t. [Works, 2 vols.], vol. 1. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 231–490. (In Russian)

Schmidt, H. J. *Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins*. Frankfurt a. M.: Humanities Online, 2010. 506 S.

Taylor, Ch. *The Sources of Self. The Making of the Modern Identity*. Harvard: Harvard University Press, 1989. 624 pp.

Tocqueville, A. de. *De la Démocratie en Amérique*, vols. 2. Bruxelles: Louis Hauman et Comp., 1835.

Troeltsch, E. "Nemeckaja ideja svobody" [German Idea of Freedom], in: *O svobode. Antologija mirovoj liberal'noj mysli (I polovina XX veka)* [About Freedom. Anthology of world liberal thought (the first half of the 20th century)], ed. by M. A. Abramov. Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2000, pp. 183–200. (In Russian)

Wellmer, A. "Modeli svobody v sovremennom mire" [Models of Freedom in the Modern World], in: *Sociologos*, issue 1: Obshhestvo i sfery smysla. Moscow: Progress Publ., 1991, pp. 11–38. (In Russian)

Wittram, R. "Das Freiheitsproblem in der russischen inneren Geschichte: Gedanken zu einigen Fragestellungen", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge, 1954, Bd. 2, S. 369–386.